

менности и остановился на вопросе максимальной унификации национальных письменностей, основанных на русской графике.

Проблемам, имеющим большое значение для развития тюркологии, были посвящены доклады чл.-корр. АН Казахск. ССР С. С. Аманжолова (Алма-Ата) «Памятники древнетюркской письменности и их отношение к современным языкам тюркских народов» и канд. филол. наук А. Джафар (Баку) «Из истории применения сравнительно-исторического метода к изучению тюркских языков». На основании общих языковых фактов в указанных памятниках и казахском языке С. С. Аманжолов попытался установить их непосредственную связь. Однако неточности методики исследования вызвали сомнения в правомерности выводов докладчика. Выступившие в прениях проф. И. А. Батманов (Фрунзе) и чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебrenников поддержали его доклад строгой научной критике.

А. Джафар в своем докладе, подробно изложив историю возникновения сравнительно-исторического метода в языковедении и дав периодизацию применения его в изучении тюркских языков, пришел к выводу, что все труды по сравнительному изучению тюркских языков в совокупности представляют лишь подготовительный этап в построении тюркского сравнительно-исторического языковедения.

Частому вопросу грамматики арабского языка был посвящен доклад канд. филол. наук А. С. Лекиашвили (Тбилиси) «К изучению структуры арабского корня».

В докладе «К новым успехам советского востоковедения» первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Н. А. Мухитдинов, подводя итоги конференции и отмечая ее большое значение, в качестве одной из задач, стоящих перед советскими востоковедами, указал на необходимость усиления исследовательской работы в области изучения восточных языков и литератур, подготовки словарей, грамматик и других научных трудов и пособий, в особенности по малоизученным языкам Востока.

Работа конференции прошла успешно и имела большое значение для развития советского востоковедения.

А. А. Кокашова

ТРЕТЬЕ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

13—16 мая 1957 г. в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде состоялось Третье всесоюзное совещание по древнерусской литературе, посвященное, как это отметил во вступительном слове чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев, «изучению художественного мастерства, как теперь говорят, или художественной формы, как было бы правильнее сказать». Д. С. Лихачев подчеркнул важность изучения древнерусского языка для понимания художественной формы древнерусских произведений.

Вопросам развития древнерусского языка и был посвящен первый доклад на совещании, сделанный акад. В. В. Виноградовым — «Основные направления развития древнерусского языка». В. В. Виноградов начал с критического анализа тех двух точек зрения на развитие русского литературного языка древнейшего периода, которые были наиболее отчетливо в свое время сформулированы акад. А. А. Шахматовым, с одной стороны, и акад. С. П. Обнорским, с другой. Докладчик указал на те основные вопросы, важные для понимания истории русского языка, которые продолжают оставаться спорными или неисследованными до настоящего времени.

В. В. Виноградов отметил, что в лингвистических работах часто не различаются литературный язык и письменный язык. Литературный язык древней Руси представлен двумя типами: церковнославянским и народно-литературным, которые постоянно взаимодействовали в разных жанрах. Второе южнославянское влияние способствовало установлению четких синонимических сопоставлений этих двух типов литературного языка. Промежуточный тип создается не на основе их синтеза, а на основе чередования или смешения. Письменно-деловая речь развивалась за пределами собственно литературного языка, хотя и взаимодействовала с ним и постепенно вливалась в него. С конца XV в. структура деловой речи существенно меняется, а в XVI в., особенно, в XVII в. деловая речь уже становится основой в формировании литературного языка этого времени.

В. В. Виноградов наметил ряд задач в области изучения древнерусского языка. В частности, он отметил, что важно проследить, как образы и цитаты из церковнославянских памятников проникали в памятники древнерусского языка, а затем и русского языка позднего средневековья, исследовать, насколько это возможно, диалектно-областные варианты делового языка и т. д.

Действ. член АН УССР Н. К. Гудзий в докладе «О древнерусской литературе как художественном наследии» подчеркнул, что при изучении памятников древнерусской литературы нельзя ограничиваться, как это часто делают, выявлением идеи

произведения, исторической интерпретацией и текстологическим исследованием, оставляя без внимания при этом художественную форму.

Чл.-корр. АН СССР В. П. Андрианов-Перетц в своем докладе «Роль учительской литературы XIII—XIV вв. в развитии мастерства изображения внутреннего мира человека» показала, как при изображении пороков и страстей в «Прологах», «Пчелах» и других средневековых сборниках (в статьях о «завидливых», «ленивых», «пьячливых», «ячлных» и т. п.) развивается наблюдательность и словесное мастерство средневековых авторов.

Доклад проф. И. П. Еремина «О художественной сненифике древнерусской литературы», хотя и имевший целиком литературоведческую направленность (и спорный во многом), не может не представлять значительного интереса и для исследователя древнерусского литературного языка.

Докладчик исходил из положения, что древнерусская литература — это литература дореалистическая. Древнерусский автор никогда не возвышался до каких-либо обобщений, до типизации, его задачей было — достоверно описать то, что происходило; те оценки, которые он дает при этом, не имеют прямого отношения к способу изображения. Конечно, изображение того, что было, требовало наблюдательности и мастерства, но это мастерство — особого рода (пелснаправленность — на познавательность, а не на эстетические качества). Однако древнерусская литература имела свои художественные принципы и «в своем художественном ключе» создавала произведения не менее ценные, чем произведения позднейших писателей. Собственно искусством древнерусская литература становилась тогда, когда отходила от достоверного факта к утверждению идеала, когда перед ней вставала задача «преображения жизни», создания идеального мира. Здесь на первый план выступало уже стремление «найти достойные слова», т. е. стремление к художественности. Для различных «идеалов» выработались свои стилистические системы: воинским идеалам соответствует своя стилистическая система, религиозным — своя и т. п. Элементы разных стилистических систем совмещаются, чередуются в одном и том же произведении, но не сливаются воедино. Таким образом, в древнерусской литературе выделяются два отличных друг от друга способа изображения, определяемые разными задачами: 1) с наибольшей достоверностью воспроизвести действительность; 2) изобразить не действительность, а порожденный ею идеал. Эта двусторонняя природа творческого метода древнерусской литературы не преодолевается до XVII в.

Докладчик отметил необходимость изучения языка древнерусских произведений и выразил неудовлетворенность теми работами языковедов, которые были посвящены исследованию языка отдельных памятников, поскольку в них обычно избегается рассмотрение языка памятника как языка художественного произведения.

Чл.-корр. АН СССР Д. С. Мухачев сделал доклад «К вопросу о зарождении литературных направлений в древней Руси». По мнению Д. С. Мухачева, говорить о литературных направлениях в русской литературе XI—XVI вв. нельзя. Это не значит, что литература за все это время не развивалась. Но смены литературных направлений не было. Это объясняется отсутствием критики, изолированной жизнью отдельных произведений, резким различием по жанрам. Литературные направления зарождаются только в XVII в. (Симеон Полоцкий и др.).

В докладе канд. филол. наук Н. А. Мещерякова «Искусство в Киевской Руси» были отмечены те отступления от оригиналов, которые характеризуют некоторые древнерусские переводные памятники (Иосиф Флавий, Александрия). Докладчик считает, что в древней Руси существовали переводы не только с греческого, но и непосредственно с древнееврейского (около 10 произведений), сирийского («Повесть об Акире») возможно, армянского и грузинского языков.

На совещании были заслушаны еще доклады канд. филол. наук А. Н. Робinsonа «Художественные принципы автобиографического повествования у Аввакума и Епифания», докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков „Девгениева деяния“, канд. филол. наук О. А. Державиной «Развитие сюжета в переводной повеле XVII в. и его отражение в миниатюре», а также доклады действ. члена Академии художеств СССР М. В. Алпатовой и проф. Н. Н. Ворониной, освещающие различные стороны древнерусского искусства и его взаимодействия с образами литературы.

По окончании совещания Сектором древнерусской литературы Института проводились расширенные заседания, на одном из которых было обсуждено «состояние изучения древнерусского рукописного наследия». На этом заседании были прочитаны доклады: Е. Э. Гранстрем (Ленинград) «Подготовка сводного печатного каталога славянских рукописей», Я. И. Шапова (Москва) «Археографическая поездка Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», И. Ф. Голубева (Калинин) «О рукописных материалах гор. Калининна» и В. В. Лукьянова (Ярославль) «Рукописные собрания в Ярославль».